

ИЗ ПИСЬМА Я. М. НЕВЕРОВА к Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Петербург, 24 января 1837 года.

Вот пятый день, как я возвратился из Москвы, мой любезный Грановский, и узнал от Безгина, что ты жалуешься на мое молчание. Я не виноват, мой милый: последнее письмо твое ; а стало меня только что не в дилжансе—дня за три до моего отъезда. Безгин пишет так же, что ты ждешь через меня денег из дому—но мне не присылают ни копейки, а если бы было что к тебе, то я бы, разумеется, переслал тотчас же. Я в очень грустном расположении: наша поездка за границу была мечта, которая никогда не исполнится: тяжело быть убежденным в этой истине—однако нечего делать, надобно отказаться от всех своих планов, от всех надежд. Воображаю, что это тебя очень удивит и ты подумаешь, может быть, что мне пришла охота тебя мистифицировать—нет, мой милый, без мистификации говорю тебе: не жди нас в Берлин, мы остаемся каждый в своем углу—Николай¹⁾ в Москве, а я в Петербурге.

29 января. Письмо было начато—кто-то прервал—теперь нечаянно попало, и я буду продолжать его,

¹⁾ Ник. Вас. Станкевич.

чтобы сообщить тебе истинно горестное событие, перед которым стыдно даже и роптать на наши мелкие неудачи.—Пожалей, милый Грановский, со всею Россиею о важной потере: наш поэт, наш единственный поэт Пушкин не существует более. Сего дня в три часа после обеда он окончил жизнь—и какую жизнь, бурную, славную, окончил от пули. Женщина осиротила Россию, но не обвиняй эту женщину; сам поэт на смертном одре своем оправдал ее. Третьего дня, в четыре часа после обеда, он стрелялся в Новой Деревне с кавалергардским офицером Дантезом. Сам Пушкин вызвал его. В ноябре он получил несколько безименных писем, в которых называли его рогоносцем. В январе, т.-е. две недели тому назад, он выдал сестру жены своей за Дантеза, принудил его жениться на ней, а через три недели после свадьбы вызвал на дуэль. Вот факты! По городу ходит тысячу слухов, предположений, но он сказал, что жена его невинна, поверим же ему. Это его последнее святое завещание. Вероятно причины были важные. Пушкин требовал дуэли на смерть—они стрелялись в 10 шагах. Первый выстрелил Дантез, и пуля попала в бок поэта—он упал, но тотчас же опомнился и просил своего секунданта поддержать ему голову, взял пистолет и, ранив Дантеза в руку, сказал с досадою своему секунданту—*et je ne l'ai pas tué!*—в семь часов его привезли домой. Тотчас же узнал об этом весь город.

Государь прислал Арендта, писал собственноручно к Пушкину, успокаивал его, уверял в своем неизменном

расположении, если он останется жив, и обещал быть отцом детей его по смерти—но жить было невозможно: пуля осталась в животе и прорвала жилы— он еще страдал почти двое суток.

Что только есть образованного в городе в эти двое суток наполнило его приемные комнаты, прочие толпились под окнами—горесть всеобщая! Сего дня утром он был в полной памяти—говорил, что желает скорее умереть, потому что чувствует себя спокойным, и боится, чтобы смерть отсрочкою не продлила напрасно его страданий. Потом при всех сказал, что жена его невинна, и что причиною его смерти—он сам. Благородная, высокая ложь! Но видно, это письмо будет писаться в три приема, потому что теперь я ни о чем не могу говорить, кроме Пушкина, а мне надобно еще кое-что сообщить тебе. Мне кажется, если бы я потерял брата, я не мог бы более сожалеть о нем, как сожалею о несчастном поэте. Его квартира возле моей, и я по несколько раз в день выходил на улицу—останавливался пред окном его спальни, а мысль, что в трех шагах от меня угасает жизнь, славная, великая, наполняла душу высокими, но грустными помыслами, не один раз доводилось отирать с глаз слезы.

Мир праху твоему, певец России! Прощай, Грановский! Ну, теперь уж время окончить письмо. Тело Пушкина вчера отпето и поставлено в погребке, откуда его через несколько дней отправят в деревню. Похороны были очень не блистательны,—но участие к поэту народ доказал тем, что в один день прихо-

дило на поклонение его гробу 32.000 человек. Зато вывезли его из дому в церковь в 2 часа ночи, так что никто этого не знал. На билетах назначена была Исакиевская церковь, а отпевали в Конюшенной— таким образом обманули весь город, а мы хотели нести его на руках до самой заставы. Но зато милости государя истинно царские. Жене 6.000 пенсии, четверем детям каждому по 1.500 в год. Государь взял на себя все казенные и партикулярные долги Пушкина и сверх того дал сумму на великолепное издание его сочинений в пользу семейства.—Теперь несколько слов о наших разрушившихся планах...

Вышеприведенное свидетельство современника о думе и смерти Пушкина принадлежит Январю Михайловичу Неверову (1810—1893 г.). Оно извлечено из письма к его другу Т. Н. Грановскому, готовившемуся в то время к профессорскому званию в Берлине. Известно так же и ответное письмо Грановского к Неверову от 23/11 февраля 1837 г. (Т. Н. Грановский и его переписка 1897, т. II, стр. 392).

Автор письма Я. М. Неверов, близкий друг Станкевича к Грановского, позднее видный деятель в области народного просвещения, в 1837 году служил помощником редактора Журнала Мин. Нар. Просв. Сотрудничая, кроме того, в различных газетах и журналах, он вращался в тогдашних литературных кругах, чем и объясняется его прекрасная осведомленность о драме, происходившей в семье Пушкиных.

Не сообщая новых подробностей, письмо Неверова интересно, как выражение того культа Пушкина, который разделяли в кружке Станкевича все члены его, начиная с самого Николая Васильевича и кончая молодым И. С. Тургеневым.

Л. Крестова.

Москва, 12 янв. 1927.

МОСКОВСКИЙ ПУШКИНИСТ

I

1 8 3 7 — 1 9 2 7

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

★

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА ↗ 1927